

**ШУВАЛОВА Н. П. и КУДИЦЕВИЧ А.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ШУВАЛОВ Владимир Михайлович. Студент, подрабатывал на предприятиях Ленинграда. В 1928 — арестован по групповому делу, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в село Сотниково Тулуновского округа.

В январе 1931 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена Наталья Николаевна Шувалова.

<18 января 1931>

«Заявление

ШУВАЛОВОЙ
Наталии Николаевны

Прошу Вашего ходатайства перед ВЦИК для водворения законности к женам адм<унистративно> ссыльных. Терплю, как и другие жены, всякого рода совершенно незаконные притеснения по отношению к себе и моему ребенку (с трудом достаю молоко и все остальное из-за того, что он "ссылный", а ему всего 9 мес<яцев>). Я последовала за мужем добровольно. Муж мой обвинен по 58-ой статье пункту 11 кодекса действовавшего в 28 году. Будучи в Ленинграде, никаких прав не теряла, состояла членом кооперации и голосовала на выборах, не испытывала никаких репрессий власти, кот<орая> обвинила и сослала моего мужа. Здесь же в Сибири, осенью 30 года всех жен адм<унистративно> ссыльных перед выборами в Сельсовет лишили права голоса, руководствуясь печатным циркуляром, в кот<ором> говорилось, что лица, находящиеся на иждивении лишенцев, лишаются также всех прав. Местный же Сельсовет, даже не вызвавши нас и не потрудившись опросить, на иждивении кого мы действительно состоим, выдал справку о том, что мы действительно находимся на иждивении своих мужей, в силу чего нас РИК и лишил права голоса. Сразу же нас вывесили на доску в кооперации и прекратили всякую выдачу товаров за исключением керосина и спичек, кот<орые>, однако, тоже выдаются в ограниченном количестве, смотря по настроению приказчика. Все это произошло к тому же тогда, когда, наконец, дождалась выдачи мануфактуры, Правда, после длительных хлопот по распоряжению РИКа выдали на детей до 12 лет, но тогда уж остались самые негодные ситцы. К тому же, придя в кооперацию, жены должны стоять и ждать, пока не будут отпущены все остальные граждане, и мы, даже придя первыми, уходим последними. Это мелочи, но чем мы их заслужили? Относительно средств к жизни лично у меня дело обстоит след<ующим> образом. По профессии я художница, в 26 л<ет> окончила Акад<емию> Худ<ожеств>, состояла на Бирже труда в качестве безработной. Муж мой студент и сов<етский> служащий перед арестом. Никакой собственности никогда не имели, учились и жили на помощи родных и случайные заработки. Живя тут в Сибири, никакой работы не имеем и живем исключительно на помощь родных, от кот<орых> я получаю 50-60 р<ублей> в мес<яц>, и кот<орые>, являясь сов<етскими> служащими, права голоса не лишены. Я заявляла об этом РИКу; но местная власть не обратила никакого внимания на этот пункт, как и, вообще, не обращает никакого внимания на факты. Сегодня же в Сельсовете объявили, что мы, жены ссыльных, не имеем права ездить и уезжать без разрешения ГПУ, разрешается только в пределах 7 верст от места жительства. Дальше терпеть нет сил, — кто знает, до чего может пойти распорядительная местная власть. Еще, того и гляди, засадят в тюрьму. Довожу все эти факты до Вашего сведения, на Ваше личное

усмотрение, но прошу Вас не откладывать с ответом и не посылать меня к местному прокурору. Также, когда мы, жены, не лишены права голоса, были членами кооперации, то продукты, полагающиеся на паи, получали с самыми невероятными перебоями, то дают, то нет. Так что сидели большей частью без оных, а теперь и тех лишили. Лишены также и хлеба, уже давно, с июля мес<яца>, кот<орый> и прежде-то получали с перебоями по 6 кил<ограмм> зерном на душу. Хлеб достать здесь почти невозможно, т<а>к к<а>к везде коммуны, предписано все излишние продукты сдавать в Кооперацию и не сметь продавать на стороне, особенно ссыльным. Нам угрожает настоящий голод.

Перед отъездом справлялась у Вашего представителя в Ленинграде, Гартмана, и он мне сказал, что никаких репрессий по отношению ко мне не может быть. А тут меня буквально уравнили в правах с моим мужем и сделали ссыльной, хотя я не имею никакого обвинения и никакой статьи.

Живем мы — Сиб<ирский> край, Тулуновский округ, Нижне-Илимск<ий> район. Село Сотниково.

Января 18 дня 1931 года. Н. Шувалова»¹.

В письме Натальи Николаевны Шуваловой есть приписка от имени А. Кудицевич, жены уголовника, о положении ее семьи.

«Ко всему, что написала мой товарищ по ссылке Шувалова, от себя добавлю, что также объявлена на иждивении своего мужа и лишена права голоса и права быть членом кооперации. Муж мой уголовник. Мы крестьяне, бедняки. Никакой помощи от родных не получаем, перебиваемся с хлеба на квас, ходим батрачить. 2 раза мой муж получал пособие от ГПУ. Имею 4-ех детей, 3-ое до 12 лет. На заработанные гроши купили корову и лошадь для работ. 2 года просили землю для обработки — волынка и отказ в результате. Работали, как волю, на брошенной за негодностью земле, чтобы достать хлеб семье — хлеб померз. Для коровы с невероятным трудом косили траву на хребтах, делали все, что возможно, чтобы выбиться из нищеты и спасти детей от голода. Теперь по распоряжению РИК дано приказание заготовщику скота конфисковать у нас, как и других ссыльных, корову и лошадь, руководствуясь тем, что мы — ссыльные и не имеем права держать скот, отнимая у детей их последнее пропитание. Разве по закону СССР я — ссыльная и дети мои — ссыльные, и разве мы не имеем право держать 1 корову и 1 лошадь. Уезжая с родины — Витебской губ<ернии>, я сдала землю государству с тем, чтобы получить таковую по месту ссылки моего мужа, и раз мы крестьяне и всегда были крестьянами, землеробами, то и жить иначе, — без земли и скота, не умеем. Остается только просить милостыню или грабить и убивать, или умереть от голода. На мой протест представитель местной власти заявил, что мы посланы сюда не для курортной жизни (разве заниматься крестьянством значит жить на курорте), а для исправления. А на мой вопрос, разве может мой муж исправиться, видя, что его дети умирают с голоду, ответа не последовало. Конечно, корову у нас отберут, но все же мы надеемся на Вашу помощь, несмотря на то, что мой муж уголовник, обращаюсь к Вам, т<а>к к<а>к нигде не можем найти защиты. Кроме того, указываю Вам, что в 30-м году муж мой был обвинен местн<ым> населением в агит<ации> против Сов<етской> власти, сидел в Нижне-Ил<имской> тюрьме, обвиняясь по 58 статье.

А. Кудицевич»².

На письме — пометы рукой Е. П. Пешковой:

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. С. 187-188. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. С. 188. Автограф.

«Запр<осить> с просьбой дать разъяснения, сделав выдержки. ЕП 6/II».

«Обр<атиться> к Ф. 26/IX-31».

В феврале 1932 — юридический отдел Помполита отправил Владимиру Михайловичу Шувалову телеграмму, что срок его высылки кончается 21 февраля 1931. В апреле 1932 — следующим сообщением известил, что постановлением от 23 января 1931 — запрещено проживание в Москве и Ленинграде с областями, Харькове, Киеве и Одессе с округами, Северо-Кавказском крае, Дагестане, Хабаровске, Чите, Иркутске, Казани, Ташкенте, Тифлисе, Омске и Омском округе на 3 года с прикреплением³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 586. С. 190. Машинопись.